

МЫ ВЫЛЕТЕЛИ с Амстердамского аэродрома на самолете «Летучий голландец» авиакомпании КЛМ.

В утреннем влажном воздухе расплывались смутные очертания большого города, изрезанного каналами, известного своим оживленным портом, своей средневековой готикой.

Словно гигантская раскаленная сковорода, поднялось в тумане утреннее солнце...

Высокая, стройная стюардесса, приветливо улыбаясь, раздавала пассажирам открытки — обращение авиакомпании: «С этого момента вы являетесь для КЛМ почетным гостем, и, поверьте, мы сделаем все возможное, чтобы путешествие на «Летучем голландце» осталось для вас приятным воспоминанием...».

Как часто мы вспоминали впоследствии эти любезные строки рекламы...

А путешествие было дальним — через Швейцарию, Испанию, Португалию, через острова Зеленого Мыса, Голландскую Гвиану; дальше — через Венесуэлу, острова Кюрасао и Аруба, через Ямайку — на Кубу!

«Летучий голландец», перевалив через Пиренеи, лег курсом на Мадрид.

Не думал я, что когда-либо, пока существует Франко и его кровавый режим, попаду в Испанию.

Под крыльями самолета расстилалась испанская земля, пропитанная кровью героев гражданской войны. Здесь, в этих горах и ущельях, на этих каменистых плато и плодородных полях сражались герои республиканской Испании против орд Муссолини и Гитлера, против фалангистов Франко...

Испания! Дорогая сердцу страна! Страна мужественных и отважных борцов за свободу, страна Сервантеса и Гарсиа Лорки, Хосе Диаса и Долорес Ибаррури...

Здесь вместе с революционным народом Испании воевали против фашизма в интернациональных бригадах французы, англичане, американцы, югославы, русские, чехи...

Здесь на стороне республиканцев стояли Мате Залка и Эрнест Хемингуэй, Всеволод Вишневский и Михаил Кольцов.

...Мы летели на юг, и перед нами расстились живые пей-

зажи цитрусовых плантаций, виноградников, оливковых рощ. Как лоскутное одеяло, лежала внизу изрезанная наделами, многогрательная испанская земля...

И вот — Мадрид! Сверкающий на солнце большой город, город, словно выточенный из сурового камня, город, где еще и сегодня ткут свою паутину князя католической церкви, которые недалеко ушли от своих предков — отцов «святой» инквизиции; город трагических судеб людей, город романтических подвигов; город, овеванный немеркнущим искусством Гойи.

...Каким пестрым и путанным кажется мир, когда весь небосвод прочерчен невидимыми линиями воздушных трасс, когда перед тобой, словно в калейдоскопе, сменяются не только страны, но и континенты. И особенно запечатлеваются в памяти отдельные эпизоды путешествия, которые — стоит только вспомнить о них — предстают перед твоими глазами, словно на экране...

В ожидании задержавшегося из-за непогоды вылета из Лиссабона мы вышли за пределы аэродрома. К нам подошел какой-то человек и на ломаном русском языке прошептал: «Господа, вернитесь в аэропорт, иначе вам придется надолго задержаться в Лиссабоне... Здесь ведь Салазар...».

Венесуэла. Нескольких пассажиров с самолета «Летучий голландец» даже не пропустили в здание аэропорта Каракаса. Если одних приглашали в прохладные залы аэропорта, то нас — двух советских граждан и трех подданных латиноамериканских стран — допустили только в маленький, узкий коридор, где можно было задохнуться от жары.

Сотрудница аэропорта Каракаса, смущенно улыбаясь, сказала нам: «По распоряжению правительства Венесуэлы вам не разрешается входить в здание аэропорта...».

Никогда не забуду взбешенного этим заявлением круглого, как футбольный мяч, пуэрториканца, который размахивал своими короткими руками и, выкатив большие, наливающиеся кровью глаза, кричал: «Дайте мне корреспондентов! Я им скажу, кто такие ваши правители!.. — неистово вопил он. —

Правительство, которое боится впустить в аэропорт честного пуэрториканца, — это не правительство, а черт знает что! Я купец, а не какой-нибудь проходимец...».

Когда служащие авиакомпании КЛМ принесли нам в узкий, пышащий жаром коридор аэропорта запотевшие от холода бутылки с апельсиновым и ананасным соком, неистовый

политические авантюристы.

Кого только не увидишь, с кем только не познакомишься в шикарном отеле «Кюрасао» и на улицах маленького торгового города Вилемстаде, где уже через два дня все знают друг друга и встречаются, как давние знакомые.

В последние дни декабря в Кюрасао у всех на языке было одно слово: «Куба!». Что будет

— Там Кастро... Фидель Кастро! Это герой!.. И каждое утро он сообщал нам что-нибудь новое о Кубе и с волнением передавал новости, услышанные им ночью по радио.

Во время встречи Нового года в отеле «Кюрасао» подвыпивший маленький, черный человек в больших роговых очках на крючковатом носу, по-

Куба» в отеле и во всем городе звучали с особой силой, и в них еще ярче чувствовался разный смысл, который придавали им люди разных миров.

Служащие отеля, негры — шоферы такси, матросы с торговых судов, стоявших в порту, грузчики, бедные рыбаки, уличные продавцы фруктов — все они с тревогой в глазах спрашивали: «Что будет с нашей

вителя из капиталистических стран...».

Самолет взял курс прямо на Гавану, не садясь, как обычно, ни на островке Аруба, ни в столице Ямайки — Кингстоне. Мы не могли понять, почему власти Кюрасао собрали в случайном самолете только пассажиров из социалистических стран. Может быть, они полагали, что в пути случится что-либо недоб-

рое... Но самолет благополучно долетел до Гаваны, где нас встретили с распростертыми объятиями. На аэродроме к нам подошли коренастый смуглый человек в форме народной милиции (так здесь называют ополченцев) и молодая кубинка с открытым, приветливым лицом. Это были лектор Гаванского университета доктор Эдуардо Паласиос Планас и его дочь Альфа. Эдуардо извинился за то, что, кроме нас, никто не встречает:

— Вы понимаете, какое сегодня положение... Все в воинских частях... Все на строительстве военных укреплений!..

И действительно, проезжая по широким улицам и просторным набережным Гаваны, направляясь к отелю «Росита де Орнедо», мы видели, как кубинцы рыли траншеи, устанавливали зенитные батареи; там и сям молодые офицеры обучали вооруженных автоматами ополченцев.

— Мы готовимся к отпору, — сказал нам Эдуардо Планас. — Такова сегодня жизнь на нашей Кубе!..

И в его устах слова «наша Куба» звучали гордо и уверенно.

Георгий МДИВАНИ.

(Продолжение следует).

ПУТЕШЕСТВИЕ НА КУБУ

Из блокнота писателя

с Кубой? Останется ли она свободной, независимой или ее раздавят, уничтожат?..

Одни волновались и, обращая друг к другу, с тревогой спрашивали: «Что будет с нашей Кубой?». У других злобно сверкали глаза, и они с нескрываемым злорадством каркали: «Куба снова будет нашей!».

Слова «наша Куба» в разных устах звучали по-разному, имели разный, диаметрально противоположный смысл.

Почтенный на вид седой итальянец, деловой человек, долго разговаривал с нами в холле отеля. Он с нескрываемым сожалением рассказывал о том, что при Батисте на Кубе было легче «делать деньги».

У двух американок из штата Огайо при упоминании о Кубе от ужаса расширились глаза. Они говорили: «О!.. Сейчас Куба — это страшно!.. Пропахла наша Куба!».

— Видите, сеньор, что делается в нашей Кубе! — обратился к нам молодой негр-швейцар, стоявший у дверей гостини-

хой. На комика-неудачника из старых кинофильмов — венесуэлец Корало хвастался своей осведомленностью:

— Через два-три дня правительство Эйзенхауэра разорвет отношения с Кубой... Американцы высадят десант и уничтожат всех кубинских революционеров... У нас, в Венесуэле, перешагивают всех «красных»... Я говорю это на основании самых точных сведений... Они у меня здесь! — и он, брызгая слюной, хлопал рукой по боковому карману своего черного пиджака...

Я смотрел на этого разболтавшегося агента американской разведки и думал: «Плохи же дела противников кубинской революции, если они опираются на таких людишек, как этот Корало».

Через три дня правительство Эйзенхауэра порвало дипломатические отношения с Кубой. Люди, прилетевшие 3 января из Каракаса — столицы Венесуэлы, сообщили, что 4 января на Кубе будет высажен десант...

В этот вечер слова «наша

Кубой?.. Неужели покончат с Кубой?» — волновались одни. — «Нет! Не может быть! Это такой народ!» — успокаивали другие.

Само собой разумеется, никто из этих людей никогда не имел и клочка земли на Кубе; большинство из них никогда не бывало в этой стране, но слова «наша Куба» в их устах звучали очень символично.

Совсем иное оживление царило в этот вечер среди богатых туристов из США, отдыхавших в отеле «Кюрасао», среди завсегдатаев казино, купцов и крупных дельцов города. «С Кубой будет покончено!» — с радостью восклицали они.

...Через день мы наконец вылетели на Кубу. Самолет, в который нас посадили, оказался нерейсовым, и его команда была наспех укомплектована здесь же, в Кюрасао. На борту вместе с нами оказались: группа советских туристов, два профессора из Варшавы, приглашенные на празднества, посвященные второй годовщине кубинской революции; чехословацкий дипломат с женой и двумя детьми и ни одного предста-